

18+

Елена Пильгун
Анна Закревская

ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ СЕРВЕР

Елена Пильгун

Облачный сервер

«Издательские решения»

Пильгун Е.

Облачный сервер / Е. Пильгун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939341-8

История одного ангела — от благоверного адепта до списанного со счетов однокрылого. История другого ангела — от списанного со счетов сотрудника корпорации до первооткрывателя Реки-под-рекой. Что их объединяет? История одного врача. Списанного со счетов. И нашедшего способ превратить фильм под веками в реальность. Мне нужен ангел на месяц, иже еси. Но молиться лучше богу в человеке, чем пустой комнате.

ISBN 978-5-44-939341-8

© Пильгун Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 0	8
Глава 1	13
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Облачный сервер

Елена Пильгун
Анна Закревская

© Елена Пильгун, 2024

© Анна Закревская, 2024

ISBN 978-5-4493-9341-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*знаешь, у каждого ангела
в левом крыле есть ампула
с зашитым обликом демона
на случай
падения
и вот, если ангелы выбрали
любовь и из неба выбыли
пока их душа не разрушена
ёмкость раскушена
к чему я всё это вполголоса?
в глазах твоих столько пропасти
на левой ключице найдена
глубокая
впадина
[1]*

*Ангелы – точно, как их подопечные.
Есть каноничные – с белыми воротничками,
Проборчиками.
Есть – не в строку, с нагоняями вечными,
Эпизодически – выговорами-тычками
За разговорчики,
Критику вышелепящих начальников —
(Ладно бы прозой – ещё и куплетами!)
Только
В минуты глухого отчаянья
Вовсе не ласками – грубо, за шкуру, пинками, затрецинами!
Ангел свою непутёвую женичину
брал и вытаскивал
С того света – к этому.
[2]*

Пролог

– Модуль искусственного интеллекта на моём компьютере отключите, – звучный басовитый голос за дверью сделал акцент на слове «моём». Табличка на двери осталась прежней – «Сектор духовно-нравственного мониторинга», вот только буквы когда-то успели стать позолоченными. «О. Варсонофий (Пельмень Олег Петрович)» – значилось ниже.

Директор Научно-Практического Центра Неврологии «Эдем» несколько раз повторил про себя имя нового сотрудника, стараясь отогнать прочь паскудное чувство, что не отец Варсонофий – ему, а он отцу Варсонофию отныне подчиняться будет, и решительно стукнул в приоткрытую дверь.

– А, Павел Юрьевич, – оторвавшись от развешивания икон, ослабил Варсонофий. – А я как раз к вам собирался, за жизнь потолковать. Давайте вашему мальчику не будем мешать, выйдем в коридор.

«Мальчик» – сисадмин лет тридцати, настраивающий моноблок духовника, – непроизвольно втянул голову в плечи.

Оставив без внимания попытку директора дойти-таки хотя бы до приёмной, отец Варсонофий разразился заготовленной явно заранее речью. Не сказать, чтобы он вещал громче дозволенного по правилам делового этикета, но его голос обладал странной способностью проникать сквозь стены, шкафы, ширмы и барабанные перепонки сотрудников, которые находились в паре ближайших кабинетов. Бухгалтерия и отдел кадров. Комбо. Павел Юрьевич страстно желал прислониться к стенке и по ней же тихонько сползти.

– Как я успел заметить, мой предшественник весьма вольно относился к своим обязанностям, – припечатал Варсонофий. – Дозволял врачам рискованные игры с искусственным интеллектом, тогда как полагаться им должно лишь на собственный, что дарован им по милости Всевыш...

Остаток проповеди директор выслушал на автопилоте. В голове его с ускорением, достойным адронного коллайдера, разгонялись две разнонаправленные мысли. Первая, впрочем, была не мыслью, а отчаянным, позорным желанием – просочиться тайком в отделение реанимации да вкатить себе внутривенно что-нибудь летальное – мол, лучше сдохнуть непобеждённым, чем жить рабом. Вторая мысль высмеивала первую ёмким «Зассал, что ли?» и была под дых контрольным: «Сдохнешь – никто больше твоих ребят не прикроет; пусть лучше этот хрен с горы на тебе отрывается».

– В общем говоря, оптимизировать будем, оп-ти-ми-зи-ро-вать, – заключил тем временем отец Варсонофий. – Мы с вами, дорогой Павел Юрьевич, сделаем так, чтобы ваш медицинский центр был достоин того названия, которое вы ему в гордыне своей дали. До конца недели ваши кадровики и экономисты смогут предоставить подробный отчёт об эффективности каждой лаборатории?..

Калининград встретил Энгеля промозглым ветром с Балтики. За съёмную квартиру пришлось платить в одиночку: в последний момент Фенеку отказала в выдаче визы российская сторона, и нейрофизиолог не смог вылететь к товарищу из Берлина. Оставался, впрочем, вариант совместной удалённой работы по Сети, но это в понимании хакера было всё равно что трахать резиновую куклу в мужском монастыре, под стенами которого построили бордель, да вход прорубить забыли.

После пятой неудачной попытки передать Фенеку тяжёлый архив с недавними наработками Энгель объявил получасовой перерыв и отчалил на кухню в поисках залежей кофе. Можно было бы для верности пропинговать все сервера на пути от Олыштынской до Арндтштрассе, но хакерская интуиция без того чуяла, что клин вбит именно с российской стороны. Вбит, причём, с фразой «наши технологии – самые технологичные технологии в мире, и нечего с поганым враждебным западом знаться – что мы, сами не справимся?»

«Сложно сотрудничать со страной, в которой граждане не прочь принять смерть от асфиксии», – прокомментировал Фенек, и на этом связь сдохла окончательно, оставив Энгеля гадать, чего было больше в коротком сообщении нейрофизиолога – досады, иронии, тоски или злости. В левом нижнем углу мессенджера всплыл очередной рекламный баннер. Хакер поморщился, будто его только что угостили лимоном. Баннер больше походил на агитку: натужно улыбающаяся модель в узеньком медицинском халате призывно указывала пальцем на зрителя, позади неё гордо развевался триколор. Слоган разил навывлет.

– А ты поддержал отечественных специалистов? – едва не поперхнувшись кофе, озвучил Энгель в пустоту и с внезапным ожесточением добавил: – Нет, раздери вас надвое, не поддержал, я им не поручень. Пусть падают.

Впрочем, в следующую секунду он сам ощутил себя падающим сквозь холод и снег бесконечной ночи, беспомощным и никому не нужным. И не было сил даже сгруппироваться в светлую искру между ключиц, как, бывало, получалось во время экспериментов с Фенekom. Тех экспериментов, в которых он пробивал двойное дно виртуальной реальности, превращая собственные слова в код нового мира. Тех экспериментов, что в последний месяц были похожи на муху, утопающую в капле эпоксидки, которую в здешних ларьках часто выдают за янтарь.

– Я. Не. Могу. Всё. Бросить, – прикрыв глаза, прошептал Энгель. До сих пор они с Фенekom находились в более или менее свободном полёте, исследуя пределы возможностей хакерского мозга, прокачанного, по сути, вшитым под кожу энцефалографом. Теперь у этого мозга появилась цель и вектор. Для начала – одолеть трудности перевода хаотических нервных импульсов на точный язык машинных команд. А потом – разнести к хренам кучу камней на входе в доменное пространство. ги прежде, чем его окончательно превратят в пещеру, надёжно закупоренную от ветров внешнего мира. И сейчас, пожалуй, действительно понадобится помощь отечественного специалиста. Чтоб был двинут на науке так же, как Фенек и сам Энгель, и чтоб в этой жизни ему нечего было терять.

Резко выдохнув, хакер щёлкнул по баннеру.

Начать поиск.

Глава 0

Писк входящего сообщения – три хрустальных перезвона. Последний из них по степени тоски определенно стоял в одном ряду со звуками рвущейся струны или лопающегося терпения. Сюда же в классификации Нещадко относились «взгляд сиротки Марыси» в исполнении племянницы и скрип заползающих в томограф салазок.

Паттерны, чтоб их.

Желтый конверт противно маячил в правом нижнем углу обзора, не давая сосредоточиться, но Нещадко еще на предыдущем таком – минут десять назад, – твердо решил: не реагировать, не открывать, пусть свершится наконец правосудие небесное, и эта чертова оторва Аленушка, племянница ненаглядная, наконец вылезет из сети к нормальному, самому обычному телефону и осуществит голосовой вызов! Но не думать о белой обезьяне оказалось трудней, чем казалось.

– Может быть, прочтешь? – безликий голос киберврача ввернулся в ухо.

– А может не на-а-до? – кривя левый угол губы, протянул Нещадко.

Ему вдруг очень захотелось вызвать меню настроек киберврача и одним махом передвинуть в плюс до упора движки на метках «эмоциональный интеллект», «сопереживание пользователю» и «интонационная выразительность». А еще выбрать ему голос. Женский? Так, чтоб с придыханием, со звенящим тембром молодухи... Или мужской. Глухой такой, с легкой смешинкой панибратства. Нет, нельзя. С молодухой ты начнешь флиртовать, а с мужиком – вскрывать свое подноготное пространство правды. А потом что? Смотреть фильмы для очень взрослых и одиноких? Снова самбуку доставать из серванта? Ты ведь сам вывел эти настройки в минимум, потому что любой намек на человеческий фактор заставляет тебя сходить с ума на тему «а не обидел ли я сейчас своей шуткой искусственный интеллект». Ты под смех мироздания ввел киберврачу имя «Исса», чтоб уж наверняка не сорваться. Ты, не самый плохой нейрофизиолог, в качестве халтуры взялся за дистанционные расшифровки сним...

– Надо. Ты не можешь сосредоточиться.

...ков МРТ, потому что не можешь диагнозы сообщать спокойно. Людям. В глаза.

Нещадко судорожно заскользил ладонью по столу. Что-то пушистое коснулось руки и мигом было сжато в горсти. Нещадко хмыкнул, кончиком указательного пальца проводя по лезвию пера. Помилуй бог, работы будет много ^[3].

– Могу, – короткий выдох сорвался с губ. И уже совсем спокойно, снова становясь неверным себе. – Это те в томографе... три истерички... не могут. Работаем, Исса.

Сине-черный фон рабочего пространства с хай-тековскими всплесками электро-белого перекрылся серым окном анализатора. Киберврач, запущенный за несколько километров отсюда на сервере Научно-Практического Центра Неврологии «Эдем», возобновил видеотрансляцию. Срезы головного мозга с яркими пятнами желто-красной активности сменялись под равнодушные комментарии Иссы. Здесь и правда нечем было восторгаться – Нещадко шел

в своих исследованиях проторенной дорогой, хоть и давно понял уже, что это путь в никуда. Все было, как и в сотнях исследований «до», в голове Нещадко сами собой складывались отточенные формулировки: «...в визуализации методом функциональной МРТ... для картирования активности нейронов... используется анализ контраста изображения между участками мозга, возникающего за счет уровня кислорода крови... анализ проводился методом MVPA... статистическая обработка результатов на основе методов машинного обучения, алгоритмов различения паттернов и нейросетевого распознавания образов...». Слышим звон и не знаем, где он. «Да нет же, – Нещадко помотал головой и тихонько взвыл, выбираясь из монотонного жужжания киберврачебного отчета. – Знаем, что это звон. Знаем, что искать надо в слуховой коре. А тут бац – и в зрительной отклик. В передней веретенообразной зоне только отклик на лица. Доказано ведь, я сам первый грант сдал, выехав только на этой зоне. Различил пол, расу, основные черты лица. Отчёт сдал...».

– При задании вспомнить место происхождения, а именно – ландшафт, обстановка, помещение, в передней веретенообразной зоне был обнаружен отклик, что противоречит предыдущим результатам от июля прошлого года.

Нещадко тихо выругался, прожигая взглядом экран компа. Работаем, Исса, да только не с тем и не так. Поэтому противоречим сами себе. Лежат в томографе три этих истеричных бабы – носовые платки замаялся им покупать, ревут, пытаюсь вспомнить свои дорожно-транспортные, насильственные, непредумышленные. Вспоминают. И самоконтроль – хотя какой там самоконтроль у жертв преступления, – самоконтроль срывается в отпуск к чертовой бабушке, подпаливая контакты и выбивая из киберврача последние свободные биты оперативки. Найти бы фантазера, вдруг подумал Нещадко, пока Исса готовился к финальному заключению в духе «грант заваливается, прости, хозяин». Фантазер нужен. Такой, чтоб смог мухи отдельно и котлеты отдельно. Отдельно перышко в руке, отдельно визг тормозов, отдельно гиблый сосняк на вершине горы. Кинестетик, визуал, аудиал. Без имплантов. «И чтоб за бесплатно», – хмыкнула самая расчетливая часть Нещадко, которая уже давно залезла бы в нейронную петлю за эти пятьдесят с лишним лет, если б не генерила идеи от «заняться криптовалютой» до «делать домашку студентам факультета биоинформатики».

– По результатам серии экспериментов за последние три недели...

Танцевальная перепевка «Om Namah Shivaya» разбила шаткое душевное равновесие в комнате. А ведь самое время «иже еси» читать и ждать ангела с неба.

Короткий взмах рукой – для Иссы. Немного льда в голос – для племянницы. И инъекция чувства вины – для себя: видимо, действительно что-то важное, раз девчонка позвонила в первом часу ночи.

– Ты из какого века, дядюшка?.. Я тебе пишу-пишу. Мы посмотрели зал. Там можно погасить свет, и вообще это библиотека какая-то, столы в центре зала, можно их обойти... Тут еще про иммерсивку почитали, крутая вещь! Сценарий у тебя на...

– Пятый.

Племянница подавилась на вдохе.

– Что пятый? – осторожный вопрос потерялся в фоновом шуме. Так, похоже, клуб или сабантуй какой.

– Пятый. Сценарий. За последние. Сутки, – Нещадко отчаянно пытался не заржать, пока его голос схватывал мартовским ледком Аленушкино «гори, гори ясно». – Заканчивайте генерез, ребят.

– А ты так и не ответил, участвуешь ты или нет, дядюшка, – Аленушка парировала быстро. Даже слишком быстро.

Нещадко негромко хмыкнул и глянул через плечо. Там, посреди полного бардака и холостяцкой разрухи человека, который точно знает, что порядок не может быть абсолютен, а жизнь при этом конечна, на вершине непокоренного Эвереста из пяти ортопедических подушек, не могущих спасти ноющую шею, – там лежал один очень большой аккуратный сверток. Иностранное тело в пространстве координат. Мягкое, пушистое. Совсем как перо, которое так и осталось в левой ладони.

– Посмотрим на твое поведение, – мягко проговорил Нещадко, продолжая издали рассматривать сверток. – Но с тебя уборка моей квартиры. Оплату беру натурой, как видишь.

– Пхаха, – нервный смешок племянницы пробежался мурашками по спине врача. – После бала, дядюшка. Но сценарий прочти, раз уж на репы тебя не выгатишь.

«Вся в мать», – мысленно выдал Нещадко-родитель, канувший где-то в омуте Нещадко-ученого. И ведь ясно уже, что хоть сейчас, хоть после пьесы этой не заставишь Аленушку работать. Но, может, и бог с ней. Пусть погуляет, пока есть возможность.

– Мне надо продолжать, или все уже понятно? – поинтересовался Исса после тридцати секунд тишины.

Нещадко пожал плечами. Вот настырный же ты, Исса. Ну давай, давай, сейчас я покаюсь, и ты милостиво скажешь – да ладно, док, ну подумаешь, завалишь грант. Не убьют же тебя за это. Потому что никому ты, Нещадко Эльдар Вячеславович, со своим грантом не нужен.

– Дело ясное, что дело темное. И что за месяц мы не разберемся, – врач устало прикрыл глаза и перешел на совсем механическую интонацию. – Исса. Остановить программу. Перейти в спящий режим.

– Док, а может...

– Завтра, Исса. Светлых снов, – пауза. – Окей, гугл, кто мне уберет квартиру?

Глаза. Как же болят глаза. И шея, чтоб ее. Полтинник с лишним, а где это обещанное «бес в ребро»? Разваливаешься на куски, как...

– Озвучить результаты поиска? – вкрадчивый женский голос оказался в этой комнате так же не к месту, как тот сверток в дальнем углу.

– Да.

– Робот-андроид уберет вашу квартиру. Предложений в Петербурге-10 более тысячи...

– Дальше.

– Жена по вызову...

– Дальше.

– Ангел на час.

– С какого?..

– Контекстная реклама по вашему запросу «как устроено крыло».

Нешадко шокированно разлепил один глаз. Они в маскарадных костюмах, что ли, приходят убираться? Но интерес, поселившийся колкой снежинкой где-то в копчике, уже не давал путей к отступлению.

– Перейти.

– Ангел на час. Мы решим любые ваши проблемы. Счастья почти даром, или мы вернем вам деньги. Наши услуги, – озвучка театрально запнулась, будто и правда увидела что-то с меткой «искусственному интеллекту не понять», – «чистилище у вас дома», «волшебный пинок», «решатель проблем»...

Решив, что с него хватит съехавшего с катушек мира и, кажется, уже можно сбросить этот маскировочный плащ всепонимающего, познавшего дзен врача-нейрофизиолога, Нешадко от души расхохотался. Странно звучал этот смех в пустой двушке старого дома на Старорусской, 5.

– Придумают же, – просипел Нешадко, оформляя заказ на «чистилище» с отложенной на неделю датой. – Только что проститутток нет. Хотя-я-я... Если бог хочет, чтоб ты был счастливым, то и такой выброс эндорфина богоугоден. И что это за семейная фабрика со штатным психологом?..

Подтвердить заказ. Оплата со счета. Уведомление по смс. Нет, код доступа к квартире я не дам. Так... Может, еще «волшебный пинок» и «решатель проблем»? Ну чтоб с грантом разрулили. Не до гордости уже, Нешадко, не до гордости. Настолько не до гордости, что сейчас ты откроешь свой электронный ящик...

Сценарий раз. Сценарий два. Хм, выходит, уже шестой за сутки. Спам. Реклама.

...а потом напишешь в рабочие логи, что вторая часть гранта невыполнима. Ведь давай начистоту, господин врач. Твоя цель прекрасна и светла – подарить людям, а точнее – одному конкретному, но не будем об этом сейчас, цветные фильмы своего воображения или памяти. Грань так тонка, что вообще хоть сном назови это все – не имеет разницы. Ты шел к этому гранту столько лет, тянешь его сейчас в одиночку, только где-то в начале не учел главного – в таком магнитном поле не вспомнишь даже что было на самом деле, а уж тем более ложь

не удержишь, ну разве что сильно поверишь. И кто ж был тот идиот в Министерстве Связи и коммуникаций, что предложил «тренироваться на кошках» и прикрепил к проекту за умеренную плату трех коше... простите, баб. С ДТП и изнасилованием.

Рот Нещадко сильно покривило влево, словно от оскомины. Мысленная пластинка была старая, заезженная. И в этом месте у врача неизменно возникало желание не то сломать систему, не то начистить ей морду и в унитаз, в унитаз!.. А все потому, что ты балда, Нещадко. Так может, хоть найдёшь напоследок хоть кого-нибудь более или менее умного – по технической части, желательно.

Искренне надеясь, что Исса на самом деле спит, а не притворяется, доктор зашёл на портал молодых учёных России. Портал для краткости именовался «РосСпец», а разброс дат рождения в учётных записях его посетителей доказывал, что науке все возрасты покорны.

Выбрать категорию записи. Нейрофизиология, кибернетика, искусственный интеллект. Заголовок. «Нужна помощь с перепрошивкой»... Ну-ну, ещё «Спасите наши души» напиши.

«При анализе мозговой активности методом фМРТ требуется повысить эффективность распознавания и визуализации паттернов активности (сравнение с набором образцов). Стандартный киберврач не справляется. Ищу специалиста, который перепишет механизм анализа в ИИ».

Если Слово – это Код, то мысль – это Вектор. Иногда так бьющий под дых, что никакой словесный debug не спасет. Например, от: «А есть что анализировать? У тебя месяц. Но если ты не сделаешь, ничего не случится. Просто это – твой последний грант, Нещадко».

Все, контрольный. Врач очень спокойно выключил компьютер и очутился в полной темноте.

Немного огня – середина пути!

Немного огня тебя может спасти...

Ах, держите, держите меня, чтобы я не лопнул от смеха!..^[4]

У меня месяц.

Мне нужен Ангел на месяц, иже еси.

Глава 1

– Статус писателя – завязал!

Вопль над ухом был достаточно истошным, чтобы Влад наплевал на правила приличия и поморщился. Нет, на таких вот слетах литературного клуба «Явная ложа» он никогда не был каменным истуканом, скорее, наоборот – насмешливый, веселый, острый невыносимо... Ток в двадцать четыре килоампера тек по венам и по воздуху, заставляя само пространство искриться невидимым, но осязаемым коронарным разрядом.

Сегодня все оказалось иначе. Кругом загомонили, загоготали, заржали. Отшутиться было так просто...

– Статус – пить сладкое.

Говори, говори, угомони зло ^[5].

– Пить брют?

– Медовуха, други!..

Робот-официант, которому эти выкрики чуть мозги не сожгли, замер в намерении людского клина и зашебуршал внутренностями. Клубни незаметно потеряли ладони. Им было наплевать на причинно-следственные связи и ответы на вопросы «а как у этого малыша внутри помещается вся винотека мира?», им хотелось выпить и провести собрание по завету глубоко любящих матерей. Веселыми и не нервными. А Влад ждал. Это были тягучие минуты до начала концерта, на котором ты не выступаешь. Праздник не для всех. Еще немного, и ты в толпе, читай, в одиночестве. Ты не мог не прийти, но мог остаться там, под окнами, с полной луной и немотой в комплекте. Тянувшее ощущение в груди портило еще не наступивший вечер, как портит вкус и запах смородинового киселя упавший туда клоп-щитовик. Может, отогнать робота на лестничную площадку да наконец выяснить, что у него внутри... Развлечение, достойное мужчины в полдень двадцать первого века.

– А если не завязал, то где новые тексты, Сол?

На свое второе – или первое? – имя Влад обернулся, как подорвавшийся на mine, но до автора вопроса его взгляд не дотянул, застряв на семидесятом градусе разворота. Новое лицо. Не в первом круге, но опасно близко и в зоне слышимости. Хищные брови и острые скулы над черным воротником рубашки породили армию мурашек вдоль позвоночника. «Твой персональный дефибриллятор, знакомься», – поерничала ехидна в голове Влада, и тут же заработала, затарахтела внутри старая пишущая машинка, клавиатура с пробитым enter, залетали стрижиными стаями фразы о том, что вот-вот Владислав Соляда, он же – Влад Сол, нырнет в... эээ... ну пусть будут зеленые, так вот, нырнет в зеленые глаза незнакомца и останется в этом омуте... хм.. на веки вечные. «Боги перин и подушек, какая ересь», – синхронно простонали все составляющие Влада Сола и закрыли лица ладошками. Все равно нереализуемо при миопии в минус восемь диоптрий. Ты и скулы наверно, писака, придумал, не видишь ведь. А речевой центр, не затронутый графоманскими наклонностями мозга, заполнял эфир словами истины. Если все равно, что говорить, то почему надо лгать?

– Новые тексты – в моей голове. Их там три тысячи восемьсот семьдесят пять. Чего смеешься? Именно столько. Они как фильмы, их можно просматривать с сотни ракурсов, они сюжетны, остросюжетны... – Влада понесло, но он упорно продолжал сверлить невидящим взглядом белый абрис незнакомца в просвете чужих плеч и голов. – Но для них просто не нашлось слов. Вот если б можно было это все из мозга вытащить – я бы вообще с большим форматом не заморачивался...

– А медовухи у него нет!

Полный вселенской тоски вопль положил конец откровениям Влада и лишь на пару секунд опередил призывное стучание председательской ладони по столу. Собрание началось. И начало его не впечатляло. Эти посиделки давно вошли в привычку, и сейчас Влад с трудом верил, что когда-то писал в стол и не планировал издаваться. Под нудное гудение кого-то с неприлично длинными стихами про болевые ощущения искусственной кожи андроида, Влад начал отматывать назад пленку своей жизни. Это было лучшее прикрытие – сосредоточенный пустой взгляд философа, вникающего в заусеницу на пальце... И яркий, неизменно яркий фильм под веками. С годами приедалось многое, но картинка, к счастью, не тускнела.

Вот вешка пятилетней давности. Знакомый подбивает Влада заглянуть на собрание литклуба. «Ну что ты сидишь в своей каморке, как сыч в дупле, – настойчиво твердит он. – Талантливые люди собираются. Вот я, например. Поэтессы в самом соку приходят... – он фамильярно подмигивает Владу, превращая литклуб в парад невест по принципу „одно другому не мешает“. – Давай, брат. Прочти им пару своих миниатюр, они оценят. Все свои, стесняться некого!»

Еще два года. Влад уже завсегдатай. Действительно, малую прозу приняли хорошо и просили приходить снова. Влад воспрял духом: явился в следующий раз, и еще раз, вырываясь из-под гнета сверхурочных работ и блокады безденежья, постепенно превращаясь в чело-века-легенду, не пропустившего ни одного собрания.

Еще год. Смешно и грустно наблюдать, как от старого костяка остаются только кончики ребер, а новые лица, слишком похожие друг на друга и все чаще скрытые за щитами очков дополненной реальности, собирают быстрые лайки на свои вирши и не задерживаются дольше двух-трех собраний. Людская круговерть лишает собрания уюта. Старожилы клуба снисходительно слушают новичков, временами хмыкают, не церемонятся в выражениях, комментируя творчество выступавших. Иногда приходят совсем странные залетные птицы, пойманные председателями на литературных конкурсах или тематических форумах. Особенно запомнился колоритный дедушка – никто не признавался, что рассказал ему о клубе, но он пришел, вооруженный тоненьким сборником верлибров с вороном и крестом на обложке. И нес в заскучавшие массы свое видение мира еще несколько часов после заседания, а под конец попытался переманить собравшихся в собственную литстудию, где обещал «научить правильному стихосложению».

Перекинутое соседом перо с железным наконечником пробежало пухом по пальцам. «На комментарий чужого творчества отводится одна минута, желаемый уровень критики...» Влад мотнул головой и перебросил перо дальше. Нечего сказать, нечего, ибо память уже предательски сговорила со списком задумок на будущее и дятлом в виске стучит сорванными планами. Планами, на которые нет сил, времени, вдохновения – большая проза, научно-фан-

тастический роман с глубоким философским подтекстом, с размышлениями о добре и зле, об участии человека на грешной Земле и о музыке сфер, которую слышат избранные... Высокий штиль, мать его, которому нет места в этом лохматом две тысячи тридцать седьмом. Вымученными кусками вываливался текст из души Влада, он был подобен грубой необработанной породе, где еще искать и искать драгоценные камни. А сейчас не стало и этого. Не говоря уже о том, что даже на основном полигоне деятельности ступор. Сценарист квестов, у которого сюжеты повторяются как родительский рефрен «холодно, шапка, покушай, хорош шататься», просто обречен на вымирание.

«Ну и чего ты паникуешь? Знаешь же, как это бывает – сначала до последнего ехать не хочется, сто тысяч отговорок, почти опоздал к началу – а оказалось, все нормально, и потом сам радуешься, что оторвал зад от стула и с живыми людьми пообщался».

Мотивация звучала неубедительно, когда ты пуст. Хуже того – после каждого собрания соклубники дружной толпой шли до метро, а там часть оседала в небольшом баре. Влад лишь однажды зашел с ними и уныло пожевал картошки фри с кетчупом. От посиделок остался привкус непонятной тоски и очередное подтверждение давно известному факту – алкоголь Влада не брал от слова совсем. Даже купленная с премии бутылка швейцарского абсента в восемьдесят шесть градусов крепости не принесла Владу радости.

После трех поэтов, которых Влад проигнорировал, объявили перерыв. Стало вдруг нестерпимо легко, словно исчез давящий чужой взгляд. Он завертел головой, пытаясь засечь, от кого так веет могильным холодком, но все дружное собрание уже вывалилось на лестницу. Очередные новенькие попросили не входить, пока не пригласят, и хлопнули дверьми. Влад, которому тело давно компенсировало миопию прекрасным слухом, различал за зеленым шумом клубней грохот переставляемой мебели и ожесточенный спор.

Наконец двери в зал распахнулись. Непривычная расстановка столов и стульев намекнула интуиции Влада на мышеловку – мебель и зрители (а иногда это были неотличимые вещи) сместились в центр так, чтобы вокруг можно было свободно двигаться. Народ кое-как расселся, стоять остались трое: хрупкий паренёк-одуванчик, рыжая девушка и внезапно – тот остроскулый в чёрной рубашке.

Свет погас. Кто-то прошуршал в темноте за спинами зрителей и зажег несколько свечей; и откуда только раскопали, уже в храмах сплошь светодиоды за плату, – в разных концах зала. Язычки пламени дрожали в прибойных волнах жгучей музыкальной смеси из церковных песнопений и шаманских бубнов. Зрителей начало затягивать в тёмный омут транса, но чистый девичий голос вдруг заметался под потолком, ударил Влада под дых и словно рассказал о том, чему не нашлось пока имени, цвета, вкуса и запаха. Хотя нет, запах появился почти сразу же – по обонянию жажнуло озоном, дождем, полынью... «Зарядила робота-официанта духами», – мелькнула в голове Влада догадка, но тут же сгнула. В межмирье, в темноте и неизвестности не было места мыслям. Кто-то быстро и осторожно провел птичьим пером по шее. Только ощущения. Только здесь и сейчас.

Секунда. Две. Три...

Свет резанул по глазам и обнажил актеров, электричество их игры перекинулось на зрителей, захлестнуло с головой. Мужик в черной рубашке наступал на светловолосого агнца, тот отчаянно отмахивался от него белыми крыльями. Актеры медленно обходили зал по кругу,

зрители забывали дышать... Чёрный человек приложил светлого спиной о стену, метко попав в выключатель. Лампы мигнули и погасли, а когда свет включился вновь, не было уже ни девчонки, ни загнанного ангела, и только чернорубашечник – уже, правда, без рубашки – стоял спиной к залу, тяжело оперевшись на стену. Над левым его плечом топорщилось одинокое чёрное крыло. Правую лопатку украшала мастерская имитация кровотока раны.

– Не прощай меня. Согрешил, – в оглушительной тишине прозвучал финальный аккорд отыгранной пьесы, и однокрылый ангел рухнул на колени, спрятав лицо в ладонях.

Пульс в висках Влада забился в агонии, погасил картинку и звук, немилосердно толкнул в водоворот болезненных воспоминаний, оставив на плаву абсурдную мысль: «Откуда. Они. Знают?!»

Влад пришел в себя, когда раздались аплодисменты, и трое актеров вышли на поклон. Сюжет пьесы сохранился в голове урывками. Влад точно мог сказать, что она про ангелов, тоже мне, капитан очевидность, но кроме контрольного выстрела последней фразы не вспомнил больше ничего. Зато очень четко отложился в голове хрустальный девичий голос и переплетение черного крыла с белым, грозная свежесть, щекощущая мягкость мимолетного прикосновения... Нет, это просто совпадения. Концентрат совпадений, чтоб его, но ведь актёрская троица – самые обычные люди, не ангелы, они никак не могут знать про Рай. Или... могут?

Мда, медовуха бы сейчас не помешала. Отчаянно непьющему Владу не менее отчаянно захотелось в бар у метро.

Старожилы клуба, раззадоренные необычным форматом постановки, не оставили актёрской троице иного выбора, кроме как присоединиться к посиделкам «после бала». Ради разнообразия решили на этот раз сменить и локацию – выбор пал на паб «Орлы и гуси». Блаженный юноша-ангел гордо объявил, что он вегетарианец и заказал апельсиновый сок. Рыжая девчонка вопросительно вскинула глаза на своего старшего спутника.

– Девушке глинтвейн, – обратился мужчина к роботу-официанту, – мне коктейль «Шёлковый шарф».

– Паспорт, – невозмутимо донеслось из робота.

Девчонка замялась.

– Эм-м, запишите тогда всё на мой счёт, – выкрутился мужчина, поднося пластиковую карту к сканеру. Не в меру любопытные взгляды литклубовцев сканировали тем временем его самого: надо же, на пьесе рубашку скинул, сейчас несовершеннолетнюю девчонку спаивает, хм, а креста-то на шее нет...

– Нещадко Эльдар Вячеславович, тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения, – удовлетворённо констатировал робот – Заказ принят.

Нарочито медленно убрав карточку в нагрудный карман куртки, мужчина позволил собравшимся ещё пару секунд насладиться иллюзией собственного превосходства, а потом перехватил управление посиделками.

– Ну, будем считать, что я представился, – усмехнувшись уголком рта, произнёс он. – Не люблю свою фамилию, тем более, у вас тут кличками принято... Тогда пусть будет Корсак. Сам грешен, не пишу ничего, но вот племянница упростила сыграть в её постановке...

Племянница... Нездоровые огоньки праздных домыслов одни за другими гасли под порывом ветра, а Нещадко продолжал, как ни в чём не бывало. О, это золотое правило допроса, которое Влад для себя вывел ещё очень давно, – расскажи другим все сам и только то, что считаешь нужным. А от лишних вопросов избавит людская скромность, ха-ха.

– Впрочем, я всё-таки пишу. Только не рассказы, а научные статьи. Сейчас, например, работаю над технологией визуализации образов. А вы, я смотрю, ребята творческие, головы светлые... Такие нам и нужны. В общем, если захотите отдаться науке за умеренную плату – приходите, буду рад видеть. Только, – на стол веером легло несколько визиток, – напишите мне заранее, чтобы я заказал для вас пропуск. Технологии растут, как грибы после дождя, но проходные, кажется, не сгинут вовек.

Влад, невозмутимо потягивавший свой егермейстер, весь словно взорвался. Нет, никто ничего не заметил, но праведность устава «не юзай соклубников в личных целях» тут же получила оговорочку «а случайным людям, выходит, можно». Да и стоило выдохнуть, как тут же ехидна запела в уши проникновенные романсы о хромающих финансах. Деньги, черт-товы деньги. Сколько там дают лабораторным мышам?..

– Немного, – ответил вдруг Нещадко. – Грант мой личный, но я своих мышей не обижаю.

Мир словно бы исчез и стал неважен. Случайно слетевшие с языка слова протянули оранжевую нить между ними, и это заставило Влада улыбнуться помимо воли. Не все еще забыто, не все отгорело. Вот оно, ради чего стоит жить.

Ну и маленький бонус. Влад прикрыл глаза, сохраняя в памяти новое лицо, которое наконец сумел разглядеть с расстояния вытянутой руки. Я запомню тебя таким, Корсак, каким и придумал. С зелеными глазами и скулами, о которые когда-нибудь порежусь. Параноик в голове нецензурно и громко советует не лезть в пасть к этой лисе, которая так прицельно сыграла на твоих нервах остросюжетную ангельскую пьесу, зато нулевой баланс кредитки и жажда острых ощущений кладут гаечки на осторожность. Кто не пьет, тот не рискует.

Стопка егермейстера опустилась на стол с глухим звуком печати на подписанном договоре. Одной визиткой в веере стало меньше.

Глава 2

Тлетворное влияние литклуба Нещадко обнаружил почти сразу после прощальных лобызаний с шумной толпой членов одного. То ли объятия с соблюдением двадцатисантиметровой границы были насквозь фальшивыми, то ли свернутое крыло под мышкой вдруг приобрело тяжесть металла, но врач откровенно валился с ног. Какая-то девчушка с соболезнающим видом потеснилась у поручня в электробусе, а цыганка у Московского вокзала даже не обозвала «абрикосовым».

А еще стихи. Ну, не стихи, а так – рифмующиеся строчки без намека на ритм. Они появлялись в голове внезапно, словно кто-то там в правом полушарии решил: «А чем я хуже этих... тех... ну ты меня понял. Давай сочинять», – и понес околесицу с глагольными рифмами про несправедливость жизни и тяжесть прожитого полтинника. А потом вдруг в хаосе слов появился Смысл. Нещадко замер на полушаге. Это было ощущение потока, щекодавшее затылок изнутри. Что-то похожее бывало при мозговом штурме, но если торжество интеллекта больше походило на конец мучительного изнасилования, то сейчас был драйв. И свобода. От логики, матчасти и условностей: «не ругайтесь, не самоубивайтесь, уныние – худший из грехов, ибо уныние возникает от недостатка работы, а надобно пахать и радоваться во славу Господу...» красиво у вас, я бы с радостью тут повесился на верёвочке... на тонкой верёвочке в блёстках от света лунного.

Дальше, дальше, дальше... Нещадко набирал полные легкие пьяного мартовского воздуха, отмечая констатацию своего врачебного автопилота, что количество кислорода на улице, несомненно, выше, чем в бункере томографа, и потому сейчас активизируется работа мозга. Ко всем трансцендентным сущностям матчасть! Я просто хочу это делать. Делать красиво. Есть же на свете пустая, не объясненная ничем радость бытия?

Прозрачные капли по стёклам как серьги улицы.
Тяжёлые вздохи, и запах полночной сырости врывается в лёгкие.

В ментальном бою только один проигравший – твой зверь. Слова рвали глотку, вода нехотя проникала через барьер легких ботинок. Нещадко-врач, забившийся в дальний угол черепашки, постигал принятие и непротивление злу насилием.

Красиво у вас, я бы с радостью стал здесь призраком!
Бродил... бродил бы по мхам, заросшим камням и тропами...

А что ты запомнишь об этих минутах, бедный Корсак? Ведь в этом и загвоздка всех твоих исследований, тебя самого и человеческого муравейника. Избирательность памяти. Через месяц перемкнутся нейронные сети в твоей башке, обманешь сам себя, выдав за внешний импульс самовольный генерез сигнала. И «встанут перед глазами», будут «звучать в ушах», пройдут «ознобом по коже»... Что? Чернильная, как мартовская тьма, лужа-море-океан и одинокий дом с башнями. Собственный срывающийся шепот и прибойный шум проспекта. Ледяные мокрые ноги и тяжесть свернутого крыла.

Где всё неподвластно избитым законам физики,
Где быть невозможно ни вдовами, ни сиротами ^[6].

Волна ушла, оставив по себе прежнего Нещадко, старую драную лису на пороге собственного дома. Оставалось только, как заядлому наркоману, припрятать пережитое в дальний угол долгосрочной памяти, чтобы потом в самый трудный момент извлечь и принять как дозу, много и внутриментально. Неплохая замена дефибрилятору, кстати.

– Красиво у вас... я бы с радостью тут повесился, – сипло прокомментировал Нещадко, взломав домофон и нырнув в непередаваемое амбре подъезда в парадной старого жилого фонда.

А теперь начинаем восхождение...

Пятидесятую ступеньку Нещадко одолел в компании одышки, белых кругов перед глазами и собственного бессвязного ворчания. Ворчание посвящалось трижды клятому сидячему образу жизни, от которого ничего, кроме сколиоза и геморроя, не получить.

Щуплая девичья фигурка в тусклом свете аварийной лампочки – лучшее, от чего можно было шарахнуться у дверей собственной же квартиры. Доля секунды ушла на то, чтобы понять – нет, это не племянница. Как же, жди, придёт она у тебя порядок наводить. Лобные доли вбросили едкое: «Зна-аю я эту молодёжь» и тут же сами себя высмеяли: «А ты, нешто, в старики уже записался, профэ-эс-сор?» Память услужливо маякнула: «А кто у нас тут уборщиц по вызову заказывал?»

Учёный перехватил крыло поудобней и приветственно кивнул незнакомке, стараясь не задеть девчонку локтем и параллельно пытаясь не промазать пальцем по сенсорной панели дверного замка. Мда, вот так накрутишь себя отрядами Святой Веры, что по души ученых приходят за полночь... Интересно, какая там зона мозга отвечает за паранойю?

– Ангела на час вызывали? – девушка оказалась совсем юной, но одета была в линялое тёмно-синее платье ниже колена и стоптанные босоножки, а волосы собрала в тугий пучок на затылке, что означало табу на любые намёки личного характера со стороны заказчика. Впрочем, от задолбанного в край нейрофизиолога даже сама Мэрилин Монро не дождалась бы сейчас попыток флирта.

– В общем, это, – Нещадко неожиданно смутился привычного бардака в своей норе, – если у вас получится одолеть этот хаос, вы – не просто ангел, а господь бог. Только вокруг компа ничего не трогайте, ладно?

На словах «господь бог» девчонка странно дёрнула плечом и прищурилась, но потом согласно кивнула и направилась к ванной, чтобы наполнить водой – боги Сети, не какой-нибудь очередной «умный» пылесос, а самое что ни на есть обычное ведро.

К такому Эльдара Вячеславовича жизнь не готовила. А ещё она не готовила его к тому, что вместо пластиковой скидочной карты девушка вручит ему миниатюрного вязаного ангела. Ангел, впрочем, был чипированный: на внутренней поверхности его одеяния была прикреплена миниатюрная табличка с секретным кодом, который и давал право на скидку.

Предоставив девушке полную свободу, Нещадко поселил ангела на полке у компьютерного стола и нырнул в работу.

«Нырнул», впрочем, громко сказано. В десятый раз сверлить глазами посекундные рас- кадровки активности чужих мозгов и уже привычно отмечать под комментарии Иссы – вот тут, наверное, было что-то вроде потуг сосредоточиться на той-самой-секунде, а сразу после – шальная мысль в духе «вот я дура / вот он козёл / а выключила ли я дома чайник?» Да и у самого Нещадко в голове ипподром был не хуже. Вот удалась тебе, доктор, первая часть гранта – думал, что и со второй повезёт? Эх, надо было отдать его молодым да амбициоз... ха, а самому написать заявление по собственному и бродягой пойти по Руси с табличкой на груди: «Дед в моём возрасте уже вышел на пенсию, помогите добрые люди чем можете»?

– Это что еще за?!..

Истошного вопля в исполнении юной уборщицы Нещадко никак не ожидал и потому непроизвольно съежился, вспоминая, какого скелета он мог оставить в шкафу спальни. Ну не полезла же она в чемодан под кроватью, где доктор хранил не самые легальные препараты и – тяжкий грех! – запрещенную к ввозу американскую медтехнику.

Следом его накрыло странное, ни на что не похожее ощущение – будто уборщица за стенкой принялась копать уже не в вещах его, а прямо в душе.

– Не из наших же, – прозвучало спустя пару томительных секунд. – Поигр-рульки, значит?..

Тут Нещадко не выдержал. Ноги сами донесли его до порога спальни, где и состоялась немая сцена «доктор, уборщица и бутафорское крыло».

– Эмм, – только сейчас до Эльдара Вячеславовича дошло, что во всей этой кутерьме он напрочь забыл убрать злосчастное крыло в пакет, и теперь по его милости девчонке предстоит соскребать мелкий пух с дивана. – Простите. Давайте, я уберу.

– Откуда оно у вас? – спрятав крыло за спиной, уборщица впилась в доктора потемневшими глазами.

Нещадко мысленно зарёкся обращаться в странные конторы по Сети.

– Это реквизит, – выдохнул он. – Племянница упросила меня сыграть в её пьесе.

– Сыграть... ангела? – спросила уборщица, по-прежнему удерживая крыло в заложенных руках.

Нещадко осознал, что спасёт его только полная откровенность, а лучше – покаянная исповедь. Чёртовы фанатики, и как до него сразу не дошло...

– Она рассказала мне про Домик ангелов в Зеленоградске, – как можно мягче произнёс доктор. – И... мы подумали... как бы это выглядело, если бы ангелы жили...

– ...на земле, – тихо закончила за него девушка, укладывая крыло на подлокотник. – Что ещё вам известно?

Нещадко опешил. Он ожидал чего угодно – обвинений в ереси и пресловутом оскорблении чувств верующих, пощёчины, хлопнувшей входной двери, но не этого вопроса.

– О чем? – наверное, более глупую реплику не выдумал бы даже сценарист третьесортного кино, но в исполнении Нещадко она прозвучала более чем уместно.

– О Домике ангелов! – продолжила наседать девушка. – Кто вам рассказал про ангелов?

– Говорю же, сюжет пьесы придумал кто-то в театральной студии, – доктор уже пожалел, что упомянул племянницу и сейчас на всякий случай стремился отвести от нее мысли приставучей девчонки. – Я сам даже в Зеленоградске не был! Вам-то что за дело?

Вместо ответа девушка глянула на доктора с какой-то странной тоской и осторожно присела на край дивана, ломая в пальцах выпавшее перо.

– Извините меня. Я думала... Но нет, это просто... С вашего позволения, я продолжу уборку.

Теперь уже Нещадко хотел дознаться до всех этих внезапных тайн, но чувство такта из всех сил зажимало ему рот ладонью, говоря, что еще не время. Быть может, когда настанет момент рассчитываться за услугу... А, быть может, и вообще никогда. Предупреждал же племяншкин друг, что его за косплей Иисуса чуть фанатики не избили, когда с аниме-фестиваля домой возвращался. Ха, интересно, а если бы Спаситель в самом деле решил нагрять в этот бранный мир, они бы и его так встретили?

Еще пятнадцать минут не слишком глубокого погружения в проблему оказались максимумом для Нещадко-трудоголика в этот долгий день. Внезапно Исса по-английски и с эстонским равнодушием самовольно свернул все окна и ушел в анабиоз. То ли датчик на кожно-гальваническую реакцию в умных часах выдал фатальную ошибку контроля бодрствования и сдал врача с потрохами, то ли искусственный интеллект сам решил, что оговорка «последняя часть завещания... ой, заключения» – достаточное доказательство состояния «невменько».

Однако, засыпать, пока кто-то там драит твою квартиру – это слишком. «Кофе. Кофе и еще раз кофе. Тот, ядреный», – мысленно приказал себе Нещадко, вспомнив про заначку, банку «Серебряной катаны» из Швейцарии. Да и девчонке этой сварганить надо что-нибудь ради приличия.

Писк входящего пригвоздил Нещадко к креслу при попытке встать. Та-ак. Письмо пришло с нового адреса, которому система не подобрала фото, а потому оставила лишь серебристый безликий профиль.

from: e_weber
to: e_neshchadko

Здравствуйте, dr. Нещадко.

Нашёл вашу заявку на портале «РосСпец». Насколько понимаю, требуется перепрограммировать вашего киберврача и изменить его алгоритм анализа. Работать с ИИ люблю, умею, практикую. Но некоторые операции при всём желании невозможно сделать по удалёнке,

поэтому я буду безмерно рад личной встрече на нейтральной территории, в ходе которой смогу ближе познакомиться с вами и уточнить детали по такой специфичной задаче.

С уважением, Энгель Вебер
Ведущий специалист
CyberCommunication Inc»

Пару секунд Нещадко сидел неподвижно, уставившись во все глаза на монитор. Честно говоря, он вообще не рассчитывал на отклик, тем более, на столь быстрый отклик. Но дело было не в этом. Недобитый полиглот в нём вдруг поднял голову и быстро переверёл имя неведомого айтишника с немецкого на русский.

– Ну и подвалило тебе ангелов, Корсак, – прислушиваясь к фоновой возне уборщицы, прокомментировал врач себе под нос. – Мелким оптом. Хоть музей открывай. Знать бы, чем заслужил такое счастье.

«И чем с герром Вебером расплачиваться будешь, – ввернул мысленный зануда. – Не натурой же... Простите, уборкой квартиры».

– С зарплаты отдам, – решил Нещадко. – Или с пособия по безработице, если так дальше пойдёт.

Серый томительный март, уже неделю игнорировавший календарь, не выдержал и сдался на милость апрелю. Город скинул отсыревшую шубу, расцвёл синтетикой курток, диодными огнями, зазвенел разгоном запрещенных в центре аэроциклетных движков. Еще не названной зверюшкой из хай-тек бестиария он полировал свои когти поездами в метро, крикал утками, плещущимися в полынье у Троицкого моста, да дышал залетным ветром, что цепляется за полы длинного пальто. А уж зубы его – острые грани высоток Пулково-Сити – были достойны отдельной киберпанковской саги.

Сегодня Влад чувствовал город даже своим позвоночником. Как там было у Маяковского – «А вы смогли бы сыграть ноктюрн на флейте водосточных труб?» Кто-то со вчерашнего вечера медленно и настойчиво постукивал по позвонкам мягким молоточком, а по некоторым, удостоенным особой чести, ударял сильнее. Наверно, имя этому незнакомцу было «Сидячий образ жизни», потому что сильнее всего доставалось пояснице и шее. Ну а между лопатками у Влада ныло с тех пор, как он бродил по грешной Земле. А шуточки про «страстный музыкус», «пинок Пегаса» и коронное «крылья вдохновения режутся» появились гораздо позже и бесили невероятно.

День катился к закату. Рыжее солнце било в глаза, что странно не вязалось ни с пасмурным Петербургом, ни со скудным больничным опытом Влада. Обычно всякая такая эпопея ассоциировалась с ранним будильником и словом «натошак», но на визитке черным по белому было отпечатано: «Нещадко Э. В. Прием исключительно в вечерние часы». А снизу – адрес то ли клиники, то ли исследовательского центра.

Началось все с эпичного преодоления временного барьера от классического стиля фасадов улицы Маяковского к футуристическому новому зданию из ломаных линий стекла

и металла, спрятанному в лабиринте медицинского квартала. Потом был бой на проходной под вывеской «НПЦ Неврологии „Эдем“» с размахиванием визиткой и обязательной покупкой бахил в розовый цветочек. Только после этого бдительные церберы пропустили Влада к гардеробу и лифту и даже объяснили, как не заблудиться в нескольких десятках разнокалиберных медицинских миров. Этаж за этажом пролетал Влад в кабине лифта, с трудом успевая прочитывать на электронном табло хотя бы половину справочных указателей.

Лифт выплюнул Влада в оглушающую тишину прямо под тяжелые металлические двери, увешанные предупреждениями об опасности несъемных протезов, значками магнита и, верно, для хохмы – мирного атома. Впрочем, секундного зависания перед вывеской хватило, чтобы попасть в ловушку. Его уже ждали – вылетевшая из приоткрывшихся дверей медсестра/лаборант/ассистент, одним словом – совсем не Нещадко, вперилась в него маленькими монгольскими глазами так, словно Влад был бакшишем, ясагом и тамгой сразу.

– Вы на обследование?

Да уж. Романтическое вдохновение Золотой Орды сразу улетучилось, ибо если что-то Влад терпеть и не мог в этой жизни, так это вот таких вопросов в духе «капитан очевидность». Но медсестра продолжала закрывать проход своим телом – внезапно вполне себе русским, добротн-округлым, без всякой монгольской гибкости и худобы, и не оставляла шансов на инкогнито.

– Карта, направление... Кто ваш лечащий врач?

Влад протянул ей визитку и пробурчал что-то неразборчивое про Нещадко. Медсестра улыбнулась одними губами и продублировала информацию воплем:

– Эльдар Вячеславович, это к вам!

Из недр кабинета донеслось невнятное шебуршание.

– Кто?

Медсестра, так и не получившая ни карты, ни направления, откровенно подвисла.

– Если это Анабель, то пусть подождет в рекреации минут десять, – сообщил голос Нещадко тишине.

Влад и медсестра переглянулись. На странное, но явно женское имя Влад не тянул, куда там. Худой как жердь, седой кудрявый дядька неопределенного возраста, никогда не изменявший потертым джинсам и черной водолазке. Ну что ж, раз постановочного знакомства не получилось...

– Это не Ана...

– Ко-орсак! – Влад пошел ва-банк под шокированным взглядом медсестры. – Я Владислав Соляда. Из литклуба.

Однако явления Христа народу не последовало. Только после очень долгой паузы голос врача отчеканил.

– Лада. Оформи его. По гранту.

Медсестра, названная Ладой, неуверенно дернула плечом и приложила к планшету идентификационную карту Влада. В качестве согласия Влад не глядя ткнул пальцем в экран, и только после этого получил доступ в логово томографа.

Влад ожидал, что увидит нечто невообразимое, огромное и загадочное, как в виртуальных комиксах. Мечты, мечты. Он оказался в самом обычном кабинете с двумя белыми ширмами по обе руки и аркой в стене прямо по курсу.

Запах нового пластика, как в свеженьком, с иголки вагоне метро или такси, несколько успокоил разбушевавшееся воображение.

– Проходите налево, – подсказала Лада. – Можно не раздеваться. Только снимите с себя все, что содержит металлические части – ремень, часы... В первый раз у нас? – Влад мысленно проклял очередной вопрос из разряда очевидное-невероятное и угукнул. – Металлических протезов, кардиостимуляторов, зубных имплантов у вас нет? Эльдар Вячеславович предупредил, что с подкожными чипами, если они есть, тоже нельзя?..

А еще, как выяснилось опытным путем, Влад терпеть не мог такое вот словесное раздевание с претензией на выбраковку.

– Пока не обнаружил в себе лишних деталей, – язвительный автопилот сработал мгновенно. – А что, какие-то проблемы?

– Ну, как сказать, – насмешливый голос из противоположного конца комнаты принадлежал Корсаку. – Вот представьте себе: установка заработает в полную мощность, и ваш... предположим, зуб вылетит у вас изо рта, притянутый магнитом. Не очень приятно, правда?

Лада прыснула, и вдруг, захлебываясь смехом, подхватила рассказ.

– А еще у нас недавно случай был, лаборант зашел в аппаратную с кислородным баллоном, а он был железный... Ну так его сразу затянуло в просвет томографа с баллоном, и голову всмятку...

– Лада, прекрати. Давайте начинать уже.

Владу как-то резко расхотелось шутить и вообще куда-то идти и что-то начинать. Но он пересилил легкую дрожь диафрагмы и вынырнул из-за ширмы. В стене комнаты была широкая арка, под нее уходил помост с направляющими. По ним из недр соседнего помещения выехали мягкие носилки с подголовником и пластиковой решеткой над ним. Щелкнул замок, и решетка откинулась.

Влад все ждал, когда Корсак соизволит появиться – ну хоть поздороваться, что ли, но он явно вручил бразды правления своей лаборантке.

– Разувайтесь, ложитесь с ногами лицом вверх. Вашей голове должно быть удобно, – Влад машинально выполнял команды Лады. – Во время всего исследования, а оно будет длиться час, вы будете лежать неподвижно и слушать команды Эльдара Вячеславовича, он будет говорить с вами через динамики в томографе. Если вам станет плохо, обязательно скажите об этом... У вас нет клаустрофобии?

Влад отрицательно помотал головой. «Сейчас будет!» – поёрничал внутренний голос.

– Хорошо. Сейчас я сделаю вам контраст, это не больно...

Только сейчас Влад заметил в руках медсестры шприц с розовой жидкостью и напрягся. Надо было внимательнее читать информированное согласие, которое подписывал перед кабинетом. Или хотя бы для очистки совести цеплять очки на нос, прежде чем его подмахивать.

Девушка ловко вставила в вену на руке Влада толстый катетер, подсоединила его к капельнице и ввела содержимое шприца.

– Сейчас может стать жарко, но это быстро пройдет, не волнуйтесь. Побочный эффект от контраста.

Влада словно ошпарило изнутри. Жар потек по руке вверх, остановился в центре груди и лопнул ослепительным солнцем, лучи проткнули насквозь и поджарили мозг, вскипятили желудок и опустили потоками лавы вниз, к кончикам пальцев на ногах. «Если это называется жарко, то я уже сварился. Если меня будут все исследование время от времени поджаривать, вряд ли получится лежать неподвижно».

– Ах да, – Влад закатил глаза, представив, какие еще неожиданности его ждут на этой веселенькой подработке лабораторным цыпленком гриль. – Во время работы томограф будет издавать громкие звуки, постарайтесь не пугаться.

Медсестра защелкнула над его лицом решетку. Ну всё, теперь точно не сбежать. Влад отправился в свое путешествие под арку. На языке вертелось что-то давно забытое, библейское. «Бросьте жертву в пасть Ваала...». В пасть фМРТ, шагай в ногу со временем, Сол.

Над головой был белый низкий свод, совсем близко к лицу – прутья решетки. И больше ничего. Ни сенсорных экранов, ни светодиодной радуги, ни прочего хай-тека... Только странный запах пластика усилился, да еще к нему прибавились ароматы стерильного кабинета, как в процедурных, и почему-то озона. Влад лежал неподвижно и гадал, началось ли? Видит ли его через хитроумные камеры Корсак, или он видит только его мозг?

– Медицины боитесь?

«Корсак!» – вспыхнуло в голове Влада, но запрет на любое движение все-таки оттормозил рывок тела. Врач был где-то здесь, совсем близко, это была не громкая связь уж точно.

– Ну-ну, тише. Простите, что не поздоровался, Владислав... э-э-э...

– Влад, – коротко обрубил писатель, пристально разглядывая белизну перед глазами. – Медицину ненавижу. Вас уже тоже. Что вы со мной будете делать?

Смех, чуть шероховатый, с механическими нотками, эхом отозвался под потолком.

– То, за чем вы сами ко мне пришли. Ничего особенного... Но я не тот человек, Влад, который будет вам петь колыбельные про укус комарика. Приятного в этой процедуре немного, однако многие ловят с нее кайф, – усмешка в голосе врача сменилась сталью. – Но с трусами я не работаю.

Вспышка сверхновой, зафиксированная сознанием Влада внутри брэнного заточенного в томограф тела по всем параметрам переплюнула пресловутый контраст. Персональный дефибриллятор, как же. Морду бы начистить за такое утонченное издевательство.

– Значит, нам предстоит долгое сотрудничество, – через силу хмыкнул Влад, слушая удаляющиеся шаги.

Первый удар в недрах томографа прозвучал, как далекий гром. За ним последовала серия рассыпчатых, упругих, как горошины, стуков. Где-то над ухом невидимый рабочий чиркнул болгаркой по листу металла, растягивая удовольствие. Еще несколько ударов, тянущий скрежет, вдох электронного гиганта... Это было похоже на музыку. Странную, пренебрегающую всеми законами ритма и композиции. То ли ребенок пробрался в папину мастерскую и дубасит попавшими под руку инструментами то по жестяному ведру, то по трубам, изобретая собственное звучание. То ли мастер пыток терзает заядлого меломана, подкидывает ему неудобоваримые сочетания звуков, скребущие по позвоночнику и пробуждающие в подкорке самые примитивные страхи...

Голос Корсака прозвучал среди техногенной какофонии истинным гласом Божиим. И разговор как будто и не кончался.

– Долгое сотрудничество – это прекрасно, – из динамиков нейрофизиолог звучал совсем уж нечеловечески холодно. – Но пока мне нужен лишь небольшой тест. Выберите один эпизод на ваше усмотрение. Там должны быть... – шорох помех, – двигательная активность, контрастные цвета, отчетливые звуки. Да, Лада, я знаю... Осознание пока не трогаем. Начинайте.

Ошарашенный Влад продолжал пялиться в решетку. Начинать абсолютно не получалось. Как там, вам истории без сюжетов или сюжеты без историй? Белый лист свода томографа решительно не хотел мараться о закорючки писателя. У Влада аж глаза заслезились от напряжения – страх белого листа и болезнь первой строчки в ключья рвали диафрагму, не давая вдохнуть толком.

– Ну же, Влад, у тебя же три тысячи восемьсот семьдесят пять сюжетов, если я правильно помню, – Корсак перешел на «ты», но нежности в его голосе не прибавилось, – неужели так трудно взять что-то конкретное и простое?

Конкретное. Простое. Простое как... Молоток. Отлично. Влад улыбнулся. Игра в ассоциации всегда его выручала, может, и на этот раз получится. Молоток. Что с ним можно делать? Где? Когда? Зачем и сколько лет дадут за...

Белый снег. Зеленые пятна мха. Серая скала. Действующие лица – зубило и молоток.

Картинка под веками обретала глубину и объем фильма. Сюжета не было, но он был излишним сейчас. Просто присматриваемся к скале, ищем оранжевую прожилку – оксид железа, вероятно, – небольшую шарообразную выпуклость в породе, ставим зубило чуть сбоку.

Удар. Звон. Еще удар.

Влад упорно пытался не генерить детали в виде крошащейся на снег сланцевой породы, порывов ладожского ветра и деревенеющих от холода пальцев на молотке. А если сюда еще добавить...

– Зацикли этот кусок, – громыхнул Корсак из колонок. – Гоняй по кругу, Влад.

Влад честно попытался. Влад приложил все силы, но музыка томографа баюкала, укачивала, с каждой минутой становилось все труднее нырять и удерживать яркие образы. Жар от контраста никак не вязался с порывистым ладожским ветром, запах медицины и пластика напрочь перебивал ароматы снега и хвои, мягкий свет недвусмысленно намекал на уют техногенной норы, а не на раздолье воздуха, воды и камня. Влада неудержимо тянуло в сон, но спать было нельзя. В ход пошла тяжёлая артиллерия – злость на мироздание и самого себя. Знаешь, почему ты дерьмовый писатель, Сол? Потому что не хватает силёнок и смелости поверить в то, что сочиняешь. Ты как утка, Влад: башка под водой, шарит по дну вслепую – авось, что путное попадётся, а гузка-то на поверхности, под солнышком греется. Поэтому никогда не оживут твои миры, сколько б ни оттачивал технику плетения слов...

Влад глубоко вздохнул, забыв о наказе не двигаться, и полностью отпустил поводья самоконтроля, позволяя машинной музыке унести себя в новый мир. Мир, где самоцветы добываются собственными руками, где путь к цели – снежная целина и трясина собственных страхов, где вдох сланцевой пыли лучше всех доказательств реальности происходящего. И в этом мире обязательно будет весна, стоит только разбудить ее в себе самом – влюбиться, сбежать за горизонт, бросить последние гроши в билетную кассу и добраться до той скалы. Мы все вне времени, мы все потерялись в нем... [7]

Очнулся Влад уже за пределами томографа, однако, по-прежнему в горизонтальном положении. Потолок норовил съехать куда-то влево, ноги затекли и онемели.

– Влад, ты что творишь? Да меня за эту установку живьем сожрут! – Корсак рвал и метал, но клятва Гиппократ не позволила ему вырвать из руки Влада катетер, хотя это варварское желание так и плясало в разгневанных зеленющих глазах. – Ты мне чуть платы томографа не сжег...

– А... Что? Я-то при чём? – просыпаться было невероятно трудно. Ложе в томографе оказалось чертовски удобным. Но крики Корсака не оставляли вариантов.

– Тебе записи с веб-камеры показать? Вот ты дёрнулся, и они сразу перегрелись, я еле успел остановить магнит и отключить сеть.

И тут до Влада дошло. Какое там, к хренам, вознаграждение! Его развели, как лоха. Сейчас этот эскулап детально распишет масштаб причинённых им, Владом, «разрушений» и вынудит его поставить ещё одну подпись. «Обязуюсь выплатить компенсацию в полном объёме».

Наверное, всё это и прозвучало вслух в исполнении горе-обследуемого. Без цензуры. Иначе как объяснить, что Корсак вдруг замер на месте и уставился на Влада во все глаза?

– Что за хрень у тебя за спиной?

– Вы же врач, вам видней, – отчаяние толкнуло Влада на дерзость, заставило скорчить насмешливую гримасу. Чёр-рт, снова придётся унижаться и излагать легенду про аномалию строения лопаток...

– Крыло. Большое. Зеленое. Одно, черт дери, крыло, – выдохнул Корсак, выпуская из цепких пальцев локоть Влада и тихо сползая по стеночке.

Дверь распахнулась так резко, что её ручка грохнула в стену.

– Эльдар Вячеславович, у вас всё в порядке? – медсестра была похожа на птицу, которую спугнули из гнезда во сне.

Корсак в полной прострации уставился на неё.

– Скажи, Лада, ты тоже его видишь?

– Кого? – на всякий случай уточнила медсестра.

– Крыло, – слабо кивнув в сторону Влада, пояснил нейрофизиолог и окончательно сполз на пол. Влад замер, прикидывая траекторию побега из злосчастного кабинета. Окон, как назло, не было.

Медсестра прищурилась на Влада, потом поджала яркие губы и с лёгким укором глянула на начальника.

– Мы же вроде решили в дизайне исследования без... эм... веществ обойтись, – бросила она, даже не делая попыток привести Корсака в сознание. – Или вы после племянкиной пьесы на каждом углу крылья начали видеть?..

Цокнув каблучками, медсестра отчалила за дверь. Но Влад не спешил расслабляться. Живя в ангельском приюте под патронажем Азефа, он убил целых три месяца на то, чтобы перевести оставшееся после изгнания из рая крыло в режим невидимости. На астральный, чтоб его, уровень. И теперь всё, что могли видеть люди – это лёгкая горбинка с креном влево. Так было два десятка лет. До сегодняшнего дня. И сейчас инстинкт самосохранения, зашитый глубоко в нижней чакре ангела, посылал к хренам человеколюбие и множил на ноль заповедь «помоги подопечному своему». Хотя с какого лешего уже подопечный-то?.. Не умер же этот Корсак. Значит, рано или поздно очнётся сам. К тому же, вокруг не чисто поле, а медицинский центр. А вот тебе, горе-испытываемый, надо валить отсюда с первой космической.

Наплевав на поиски носков, Влад влез в истоптанные ботинки босыми ногами, подхватил со стула куртку и взял разгон.

– Но эээ... – донеслось ему в спину с рабочего места лаборантки.

– Не было меня тут, не было, – сквозь зубы бормотал Влад, галопом одолевая рубежи проходной. – Пригрезилось тебе, Корсак...

Говорят, реально всё, во что найдёшь силы поверить. Дай только бог памяти, кто это говорил и когда.

Глава 3

Если утро начинается не с кофе, то вчера была прокрастинация.

Влад, никогда ранее не нуждавшийся в кнутике мотивации, все чаще попадал в авралы и дедлайны. Вот и сейчас до сдачи задачи три часа, двадцать девять минут и пятнадцать секунд, а в заготовленной блок-схеме квеста пусто, как и в башке.

Еще раз перечитав ТЗ, Владислав Соляда с интеллигентнейшим видом поскреб затылок и настучал на сенсорной клавиатуре в столе первое пришедшее в голову. Хотя, чего греха таить – это всегда прокатывало и имело больший успех, чем кропотливая разработка.

Персонаж – программист-хакер [не будем вымудриваться, кто сказал киберпанк, дайте два]

Сюжет – ... [взломы душ угрожают мир, ладно, потом]

Конфликт – спасти кого-нибудь [= добыть денег]

Типы выбора – ...выберите из списка...

В этом месте Влад привычно улыбнулся. О да, он писал сюда то, что первым придет в голову, ограничиваясь только нелепыми требованиями заказчика типа «семьдесят восемь символов и не более пяти визуальных образов на сцену» или «три концовки, одна хорошая». Но при всем том он никогда не делал отписки. Пусть тело его уже который год застыло в тридцатилетнем «почти целый» и лишь усталость от жизни порой раскатывала по стеночке воскресным утром, но жизнь мимо не проходит. Шрамы кривой штриховкой ложились на душу, превращая ее в дифракционную решетку, а все квесты с подписью «Влад Сол» – в Выбор. Моральный. Этический. На оптимальное решение.

Через два часа и одиннадцать минут в мешанине блоков было уже не протолкнуться, а кофе успел остыть трижды. Финальный блок последней ветки вылетел из-под пальцев со стрижинным визгом:

Пресвятой дисконнект и двойное дно! Здесь же коды доступа к людям. К каждому из нас...

#1 Плевать. Сдаю всё, что нашёл, заказчику, и выкидываю это из оперативки

#2 Выложу всё в Сеть во имя борьбы с Большим братом и тотальным контролем

– Ну и хватит на этом, – заметил вслух Влад, добавляя в поля названия короткое «На взлом».

Но мысли о насущном и ворчание пустого желудка, воспринявшего холодный кофе как форменное оскорбление, заставили Влада оторвать известное место от стула и протоптаться к холодильнику. Условный стук, кодовое «ныряю» – теряет непрозрачность дверца холодильника, хай-тек и боги морозилки... Пусто. Питерская мышь повесилась, рядом зонтик, а по факту – кусок позавчерашней курицы, две початых банки ряженки и сырое яйцо с надломленной скорлупкой. На 0,75 нормального обеда, а деньги за квест будут только после утверждения.

– Работай, Влад, солнце еще высоко. Ты ж Ангел, зачем мечты о борще насущном...

Шальная мысль, что в принципе можно и не работать, а съездить в клинику неврологии «Эдем» и забрать деньги за вчерашние страдания в томографе, поддержки у гордости не нашла. Да еще и инстинкт самосохранения, уже получивший подтверждение фиаско, занял позицию мамочки, дующей на воду после ею же перегретого молока. Старый лис мог промахнуться только один раз, Ангел. Во второй он твое крыло оттяпает на опыты.

Портал «Ангел-на-час» встретил Влада подозрительно долгой загрузкой профиля. Спустя минуту экран перекрыло информационное окно с алой полосой и текстом анафемы средней степени тяжести:

«Уважаемый (ая) Матаризель!

В связи с низкой активностью и п.п.13 Правил Портала, ваш рейтинг упал ниже критической отметки – таким образом, сейчас вы находитесь в зоне риска, и пользователи, скорее всего, сочтут вас ненадежным работником. Рекомендуем вам приложить все усилия, чтобы исправить ситуацию».

Немного еще помаячив для острастки, окно исчезло, открыв наконец доступ к странице. Но подбитый новостью Влад даже не шелохнулся.

– Не удивляйся, именно так и сходят с ума ^[8], – прошептал он фразу из старой песни.

На этом слова закончились. Лохмотьями облезла броня болевого шока. И внутри полыхнула злоба. Кулаком об стол, сливая душевную боль в боль физическую. И зеленое крыло рвется к потолку, забирая на себя адское жжение в груди и стойкое желание отомстить за унижение красной зоны.

А как все начиналось!.. Влад по кличке Седой, после десяти лет прятков от небесной канцелярии, снова возвращается в Приют Азефа и находит там если не глобальную разруху и голод, то что-то очень близкое к этому. Куча неприкаянных и не пристроенных к делу душ, которые от ненужности впадают в такие крайности, что Приют больше похож на Притон. В женском филиале у Магдалены получше, но, чтобы не скатиться в бордель, скатились в монастырь. Азеф и Магдалена придумали выход – оформиться как некоммерческое общество, но им нужен третий соучредитель. На небе доверие атрофируется за ненадобностью, на земле без него ты не взлетишь.

Они выбрали Влада, а Влад выбрал Дело. И если в программном коде создаваемого портала он оказался дуб-матушка, то все крючкотворство официальных документов очень быстро оказалось на его плечах. За алым полотном злобы и рвущим горло криком вставляли картины прошлого. Азеф, поднимающий бокал с водой за успех предприятия. Магдалена, дарящая Владу клинки одного из приютских кузнецов в благодарность за помощь. Все братство, которое оказалось не сборищем раздолбаев, а отличной командой, как только появилось дело.

– А теперь ты в зоне аутсайдеров, – прохрипел Влад, мутным взглядом буравя алую полосу рейтинга на экране. – Отец-основатель, подавитесь вы там все...

Закон стаи прост. Редко берешь заказы – ниже рейтинг. Ниже рейтинг – меньше заказов.

Рацию и холодный расчет внезапно взяли во Владе верх. Как говорил старый друг, пока кто-то разгоняется гравитационным маневром об Юпитер, кто-то другой сливает топливо на оверсан. Дело вкуса: первому быстрее, второму жарче. И сначала, Азеф, а я уж точно знаю, что ты там серый кардинал, сначала будет быстро. А потом станет жарко.

Через полчаса Влад решил проблему всеми доступными легальными способами. Это был чужой квест, загрузка в систему, живущую совсем не по-ангельским рыночным законам спроса и предложения. Однако Владислав Соляда, с логином Матаризель, голодный и злой, не постеснялся ударить систему ниже пояса. О да, сначала все в рамках приличия.

«Срок действия вашего аккаунта истекает через 10 дней. Хотите остаться с нами?»

Хм, если б мне просто предложили списать деньги с внутреннего счета, это бы не вызвало когнитивный диссонанс. Кто не с вами, тот против вас? Или крыло единственное сожжете, чтоб уж наверняка?

«Ответить позже».

Рандомное дело из «грязного» сектора – поднять бабушкин рояль на пятый этаж в секторе Петербург-7. Плюс пять к карме. Починить кодовый замок за наличные – эй, ребята, подвиньтесь, у меня спе-ци-а-ли-за-ци-я, почитайте Правила. Плюс десять к карме и милая радость влезания без очереди по благу. А на десерт – раздел «Спасательный круг» (читай «мне позарез нужна помощь, но платить нечем»). Та самая ангельская работа, когда подопечный сам себя задолбал надуманными правилами и в возведенном тупике не видит выхода... И, кстати, утروение плюса к карме, если человек потом отпишется, что ему помогли.

Пятьсот с лишним невыполненных заявок. Влад тихо присвистнул. Да, братия по крылу, кушать меньше надо... Только за оплатой гонитесь, а аутсайдеры типа меня прежде голодные, чем злые. Сначала кусок хлеба, потом рейтинг, а пока заработал кусок – там не до игр с системой. Ведь за добрые дела не положено куска хлеба, даже благодарности не дождешься обычно.

Впрочем, вспыхнувший огонь альтруизма быстро потух от давно вымученной истины «спаси только того, кого можно спасти, а лучше себя». И Влад не оставил ни одному из трехсот страдальцев шанса на спасение богами Великого Рандома. Он сам выбрал самый старый вопль из категории «волшебный пинок» – так на внутреннем сленге Ангелов-на-час назывались просьбы промыть кому-нибудь мозги и смотивировать на действие.

– Мой муж очень скромный и мягкий человек, – Влад включил голосовую запись, пытаясь поймать волну женского полупридушенного слезами голоса. – Им все крутят и вертят, как хотят. Он организует по три свадьбы в неделю, но все деньги расходятся в долг друзьям. И они не отдают, понимаете, мне самой занимать уже приходится, а у Шенгура уже пятьдесят тысяч долга...

– Уже пятьдесят тысяч долга, – повторил вслух Влад, быстро выключая фонограмму и переходя на голосовой вызов по номеру жертвы. – Пятьдесят тысяч, ах ты ж, как там тебя...

Гудки. До озверения выбешивающая мелодия из «отче наш» в рок-обработке – все, что угодно, чтобы не упал этот заряд под левой лопаткой.

– Василий Алексеевич Синичкин? Здравствуйте. Мне нужно организовать свадьбу. Что?.. Да. Хочу на высоте. Хочу, чтоб дорого и круто. Хочу... Насколько дорого? А на сколько у вас должников, Василий Алексеевич?.. Не понимаете. А я вот знаю, что у одного Шенгура уже полтос, знаете ли. А жена ваша так и вовсе на паперть скоро пойдет. Потому что вы тряпка, Василий Алексеевич. Да, Васенька. Поэтому я закажу свою свадьбу у вас только тогда, когда вы сдерете со всех этих Шенгуров три шкуры и еще проценты... Если твоя жена ко мне ещё раньше не уйдёт от такого слизняка.

Оборвать связь и тут же, не сходя с места, набрать уже с телефона жертву №1. Потерять совсем немного накала на этом чертовом оверсоне, когда ты – бессмертный Ангел, хоть и кину-тый на Землю, а живешь как в последний раз, – и набрать его снова, когда в ухо ввинтится баритон Азефа.

– Слушаю.

– И что слыш-шиш-ш-ш-шь? – голос Влада со змеиным присвистом и шипением плаз-менного шнура мигом цепанул собеседника за мясо души. – Может, с-свою совес-сть, Азеф?

Фоновый шум улицы на том конце резко стих, будто говорящий заныкался в первую подходящую или не очень щель. Судорога, искривившая сейчас рот Влада, технически была засчитана за улыбку: никакая красная зона рейтинга ни одного вшивого портала не могла бы украсть у него этот талант – одним лишь голосом, без взглядов и рук, взять любого за астраль-ную макушку и вышибить искру. Опционально – дух. Главное – не думать, какой ценой плачу за это.

– Что случилось, Влад?

Первый вопрос и так глубоко задело тебя, Азеф, надо же. То ли совесть и правда болит, то ли мы все-таки друзья? А, может, я просто не истеричка обычно, ха.

– Всего лишь вляпался в твое говно, Азеф.

– Да о чем ты вообще?!

Громче фон, ближе к рыку баритон. Не боюсь тебя. И не стыдно, что отнимаю драгоцен-ное время занятого человека, уже бегущего дальше.

– Рейтинговая система портала «Ангел-на-час». Пятьсот невыполненных заявок в «Спа-сательном круге». Две недели пофигизма – и я в красной зоне. А ты, между прочим, в золотых нашивках, судя по акку. Никаких ассоциаций не возникает, друг?!

Через пару нестерпимо долгих секунд Азеф попытался отчеканить что-то очень веское, но едва Влад услышал имя Магдалены – его порвало.

– Хор-р-рош уже, я знаю, кто в этой шар-раге главный! Хватит бабой прикрываться, Азеф! Ты наворотил уже такого...

– Это не я, это система!

У Влада потемнело в глазах. Он просто физически чувствовал, как желтый гарпун врежется в это слово, которым оправдывается все – от смерти младенца по халатности врачей до сожженной сетчатки на лазерных стендах без оформленной вредности, от взятки учителю до материнской ловушки «сама придумала, сама обиделась» – врежется и рикошетит обратно, прямиком под дых Ангелу, возопившему о суровой справедливости. А dual past.

– Не я это придумал, Влад. Так сейчас работают все порталы...

– А я так работать не хочу, – тихо припечатал Сол, тщетно пытаясь удержать себя на грани сползания с кресла от накотившего бессилия. – Не хочу и не буду... С предателем.

Короткий хрип на том конце.

– Даже так?..

– Так.

Влад все-таки сполз с кресла. Легче не стало, но остервенелая уставшая душа требовала мести. Откуда, откуда в тебе, Влад, это бессильное желание взять близкого человека за шкуру, посмотреть в прозрачные кристальные глаза напротив и размазать по стенке, превратить эту морду в кисть с алой краской?..

Они дышали. Канал связи рвался в лохмотья, форматировался под ноль. Обоих выворачивало наизнанку... Плохо, что они еще могли дышать. Это надо было исправить немедленно.

– А помнишь, там, на небе, – выговорил наконец Влад, перекрывая далекое и гнусавое «переход Невского проспекта разрешен», – на небе друзьями были. Я тебя еще учил людей вытаскивать из вот такой систе-емы...

– Дружба – это не пару раз в карты сыграть, Матаризель. Не будем натягивать сову на глобус, называя это дружбой. И да, ты уже перевыполнил норму по оседлости в Питере.

Схватки за последнее слово не получилось. Влад отбросил руку с телефоном в сторону, до побелевшей костяшки большого пальца зажимая сброс звонка. Но слух, компенсирующий плохое зрение, увы, не подвел.

– Удачи во фрилансе на новом месте... друг.

«Встреча на нейтральной территории» – условие, поставленное неведомым Энгелем – уперлось в почти атрофировавшийся навык Нещадко выискивать новые локации в родном Питере. Да, чего уж греха таить, и в старые-добрые-хорошо-проверенные места он выбирался все реже и реже.

Предложенный доктором «Север» на Невском герр Вебер отмел с комментарием: «Давненько вы там не были, иначе бы вам под эту хохлому на кожаных диванах и меню „допетровская Русь эдишн“ и кусок в горло бы не полез». Сошлись в итоге на «Шикари», и сейчас Нещадко нырял в бамбуковые занавески ресторана, пытаясь прикинуть, насколько быстро

и качественно программист вынесет ему мозг в процессе работы, ежели по такому мелкому вопросу уже успел. А ещё не мешало бы для начала опознать его среди посетителей. Это, впрочем, особого труда не составило: длинный серебристый плащ, небрежно перекинутый через спинку кресла в дальнем углу, мягко светился в полумраке. Владелец плаща сидел к доктору спиной, но, словно почувствовав его приближение, обернулся. Нещадко протянул было ладонь для приветствия, однако программист пожимать её не стал, а беспечно помахал в воздухе и указал на соседнее кресло. Доктор машинально отметил часы с каким-то неканоничным циферблатом, обручальное кольцо и гипермобильность суставов в лёгкой форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.